

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки мира. Славянские языки. М.: «Academia», 2005. 641 с. + 11 карт.

Рецензируемый том продолжающегося энциклопедического издания «Языки мира» посвящен славянским языкам и является первым полным монографическим описанием всех славянских языков под одной обложкой, вышедшим на русском языке (монография [Кондрашов 1986] значительно менее подробна). Для сравнения укажу, что аналогичное издание на английском языке появилось в 1993 г. [Comrie, Corbett (eds.) 1993], ср. также только что вышедшую монографию [Sussex, Cubberley 2006]. Ценность и новизна данного издания состоит, помимо того, что описания всех славянских языков представлены в нем в единообразном формате, облегчающем типологические сопоставления (см. подробнее ниже), также и в том, что он делает доступной широкому читателю информацию о целом ряде славянских языков, до того на русском языке либо вовсе не публиковавшихся (это касается в первую очередь так называемых микроязыков), либо трудно доступную (кашубский язык, полабский язык).

В международный авторский коллектив тома вошли следующие ученые: А.Е. Супрун («Славянские языки», «Старославянский и церковнославянский язык», «Полабский язык»), С.С. Скорвид («Славянские языки», «Чешский язык»), А.М. Молдован («Старославянский и церковнославянский язык», «Украинский язык»), Ю.С. Маслов («Болгарский язык»), Р.П. Усикова («Македонский язык»), А.Г. Кречмер, Г. Невекловский («Сербохорватский язык»), А.Д. Дуличенко («Словенский язык», «Кашубский язык», «Малые славянские литературные языки (микроязыки)»), Л.Н. Смирнов («Словацкий язык»), М.И. Ермакова, А.Ю. Недолужко («Серболужицкий язык»), Т.С. Тихомирова («Польский язык»), Г.А. Хабургаев («Древнерусский язык»), А.А. Зализняк, М.Н. Шевелева («Древненовгородский диалект»), В.В. Лопатин, И.С. Улуханов («Русский язык»), М.А. Жовтобрюх («Украинский

язык»), Н.В. Бирилло, Ю.Ф. Мацкевич, А.Е. Михневич, Н.В. Рогова («Белорусский язык»), Ю.Б. Коряков (карты славянских языков).

В данный том включены описания всех основных славянских литературных языков, как живых (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий, серболужицкий, польский, кашубский, русский, украинский, белорусский), так и мертвых (старославянский и церковнославянский, полабский, древнерусский). Помимо этого, в нем содержатся описания обладающего рядом интереснейших особенностей древненовгородского диалекта древнерусского языка и, что особенно ценно, так называемых малых славянских литературных языков (югославорусинского, градищанско-хорватского, молизско-славянского, резьянского, банатско-болгарского, чакавского, кайкавского, прекурско-словенского, восточнословацкого, ляшского, карпаторусинского, западнополесского), распространенных на небольшой сравнительно с «основными» славянскими языками территории и бытующих в существенно отличной от них социолингвистической ситуации. Отдельное рассмотрение «малых» и не имеющих статуса государственных славянских языков представляется безусловно оправданным.

Помимо описания собственно литературных языков, каждая статья включает также и краткий очерк основных особенностей диалектов и говоров, равно как и ряд сведений из истории языка. К тому приложен ряд карт, на которых отмечены области распространения славянских литературных языков и диалектов, а также (почему-то в ряде экземпляров приведенная дважды – на вкладке и на внутренней стороне обложки) карта распространения славянских языков и диалектов в эпоху Кирилла и Мефодия.

Статьи сборника построены по единой схеме, общей для всех томов данного издания. Каждая из них содержит основную социолингвистическую и лингвогеографическую информацию о языке, сведения о его письменности и этапах его истории. Центральное место в статье занимает, естественно, собственно лингвистическая характеристика: информация о фонологии, просодии, фонотактике, структуре слога, морфонологии, частях речи и грамматических категориях, основных лексико-грамматических классах лексики, морфологической парадигматике, структуре словоформы, словообразовании, синтаксисе простого и сложного предложения (последнему, правда, в большинстве статей уделяется лишь короткий абзац), лексике – и основные сведения о диалектах и их отличиях от литературного языка и друг от друга. Следует отметить, что статьи сборника обнаруживают заметно более высокую по сравнению с рядом предыдущих томов серии «Языки мира» степень единообразия при описании различных славянских языков, что позволяет использовать их данные при первичном типологическом сопоставлении. Это несомненное достоинство тома сопровождается другим, не менее важным – от внимания авторов не ускользают «мелкие», но исключительно интересные характеристики описываемых языков, которые, в принципе, в издании такого рода могли бы остаться неупомнутыми. Так, например, в статье «Болгарский язык» отмечен, казалось бы, периферийный, но на самом деле представляющий большой интерес факт утраты современным болгарским языком противопоставления моторно-кратных и моторно-некратных глаголов (с. 80), а в статье «Серболужицкий язык» отмечено тонкое и типологически очень важное противопоставление дательного и винительного падежа каузируемого в аналитических каузативных конструкциях (с. 325). Такого рода примеры можно умножить.

Отмечу отдельные особенно удачные разделы некоторых статей. Так, большой интерес представляет детализированный очерк семантики предлогов в статье «Македонский язык» (с. 123–124), с особой подробностью описан синтаксис энклитических местоимений в чешском языке (с. 269). Особенно четко и информативно описана именная парадигматика в статье «Словенский язык» (с. 220–225). Интересен раздел, посвященный синтаксису, в статье «Полабский язык» (с. 415–416). Следует отметить подробное описание диалектных особенностей украинского (с. 541–546) и белорусского (с. 588–591) языков. Образцовой можно признать подачу социолингвистической информации в статье «Малые славянские литера-

турные языки (микроязыки)», ср., например, сводную таблицу с данными о разнообразных аспектах функционирования этих языков (с. 602–603).

Переходя к критическим замечаниям, следует сначала отметить ряд моментов, общих для всех или почти всех статей сборника. Во-первых, сообщаемые в каждой из них сведения из исторической фонетики нередко фрагментарны и явно недостаточны для того, чтобы читатель мог сформировать хотя бы самое общее, но целостное представление о рефлексах праславянской фонологической системы в том или ином современном славянском языке. Было бы полезно в каждой статье давать полную информацию об основных нетривиальных рефлексах, а в обобщающей статье «Славянские языки» представить сводную таблицу основных фонетических соответствий между современными славянскими языками.

Во-вторых, имеющийся в каждой статье раздел «Образцы парадигм», как правило, содержит таблицы окончаний, но лишь за редкими исключениями («Словенский язык», «Кашубский язык» и «Русский язык») – собственно парадигмы склонения и спряжения. Такой способ подачи материала представляется весьма неудобным, в особенности для языков с большим количеством сложно распределенных подтипов склонения (польский, чешский), в первую очередь потому, что имеющиеся в статьях сведения зачастую не позволяют правильно построить соответствующие словоформы. Неуместным кажется такой способ подачи материала и при описании мертвых языков, представленных ограниченным корпусом текстов, в частности, полабского языка. Еще одна претензия к подаче материала в данном разделе касается принятого во всех без исключения статьях сборника порядка падежей «Именительный – Родительный – Дательный – Винительный – Творительный – Местный». Данный порядок, как справедливо отмечено в статьях «Чешский язык» (с. 262) и «Словацкий язык» (с. 292), «соответствует национальной грамматической традиции», которая, в свою очередь, восходит к не критически воспринятой традиции античной грамматики, однако не отвечает реально существующей в славянских языках структуре парадигмы, которую наиболее точно отражает порядок «Именительный – Винительный – Родительный – Местный – Дательный – Творительный». Последний порядок не только подробно и убедительно аргументируется в ряде работ (см., например [Chvaly 1996/1982]), но и эксплицитно принят в ряде классических исследований по славянским языкам (например [Мейе 2000/1934; Вайан

1952/1948; Зализняк 1967/2002]). Такой порядок позволяет, в частности, наглядно и систематически представить случаи падежного синкретизма, в большом количестве наблюдающиеся в славянских языках, см. [Plank 1991].

В-третьих, не всегда благоприятное впечатление производит определенная небрежность в терминологии, периодически встречающаяся на страницах сборника. В частности, вызывает протест смешение падежа как морфологической категории и как совокупности «глубинных» семантико-синтаксических ролей, приводящая к формулировкам типа «падеж выражается преимущественно морфологически, а также синтаксически (предлоги)» («Сербохорватский язык», с. 156) и к тому, что вперемежку приводятся примеры употребления падежей как с предлогами, так и без оных. Аналогичным образом, кочующие из статьи в статью «понятийные» «определения» частей речи вроде «существительное – часть речи, обозначающая предмет» («Русский язык», с. 475), представляются неуместными в издании, посвященном конкретным языкам (см. недавнюю статью [Перехвальская 2006], где подробно рассматривается практика использования такого рода определений частей речи). Странное впечатление производит употребление терминов «субъект» и «объект» в самых разных и не всегда ясных значениях, что иногда приводит к тому, что формулировки морфосинтаксических правил оказываются попросту непонятными (ср. ниже).

В-четвертых, существенным, хотя и сугубо техническим недостатком является отсутствие ударений в собственных именах, в частности, в названиях языков и диалектов, топонимах, именах просветителей, писателей и языковедов и т.п. Такого рода информация была бы очень полезна «широкому кругу адресатов», для которого предназначается данное издание.

В-пятых, следует отметить, что авторы не всегда выбирают удачные примеры для иллюстрации тех или иных положений. Так, в статье «Славянские языки» не следовало бы иллюстрировать переход кратких *i, *u в редуцированные ъ, ѓ (с. 15) примерами, где соответствующие фонемы принадлежат флексиям, подчиненным, как известно, особым фонетическим правилам. Вызывает большие сомнения словосочетание со значением ‘памятник погибшим героям’ в качестве примера на посессивное значение дательного падежа («Сербохорватский язык», с. 157). Весьма странно иллюстрировать глаголами ‘интересоваться’, ‘приготовиться’, ‘встретиться’ значение «полного охвата субъекта действием» («Чешский язык», с. 251). В единственном примере употребления силезского окончания 1-го лица единственного

числа -ch («Польский язык», с. 381) почему-то представлено окончание -k (если это, конечно, не опечатка). В статье «Украинский язык» употребление винительного падежа при «переходных словах категории состояния» (с. 524) проиллюстрировано предложением *видно село*, где словоформа *село* может с тем же успехом стоять и в именительном падеже.

Наконец, приходится отметить ряд существенных пробелов в библиографии, в основном (по уже ставшему недоброй традицией отечественного языкознания обыкновению) касающиеся зарубежной литературы. Так, крайне удивляет отсутствие в библиографии к статье «Славянские языки» такого фундаментального и во многом эталонного издания, как трехтомник [de Bray 1980/1951]; не было бы лишним упомянуть там и ряд таких важных работ, как, например, сборники [Brecht, Levine 1986; Franks, King 2000], монографии [Garde 1976; Franks 1995; Fici Giusti 2001]. Иначе, чем как неприятный курьез, нельзя трактовать то, что в обширнейшей библиографии к статье «Русский язык» есть лишь одно (sic!) название книги, вышедшей не на русском языке, – и это книга С. Карцевского, изданная в 1927 г.! В библиографии к этой статье – учитывая ее подробность – должны были, по моему убеждению, найти место по крайней мере такие работы, как [Forsyth 1970; Veyrenc 1970; 1973; 1979; 1980; Chvany 1975; Comrie, Stone 1978; Paillard 1979; 1984; Babby 1980; Garde 1980; Issatschenko 1980–1984; Flier, Brecht 1981; Nichols 1981; Guiraud-Weber 1984; 2004; Yokoyama 1986; Wade 1992; King 1995; Comrie et al. 1996] и многие другие.

Отмечу также ряд недочетов в конкретных статьях. Как кажется, во вводной статье «Славянские языки» следовало бы уделить больше внимания типологическим расхождениям между славянскими языками; в ней наблюдается явный «перекос» в сторону исторической грамматики. В той же статье в разделе о редуцированных (с. 24) сказано, что распределение сильной и слабой позиций зависело, в частности, от ударения, что неточно – позиция неоконечного редуцированного определялась в первую очередь гласной фонемой следующего слога, а со слабых редуцированных ударение обычно переходило на соседний слог; собственно же ударение могло влиять на судьбу редуцированного далеко не во всех случаях и не во всех славянских языках.

Ряд формулировок в статье «Старославянский и церковнославянский язык» диахронически некорректны; так, нельзя говорить о том, что в старославянском языке имелся возвратный «постфикс» и «завершалась грамматикализация вида». Удивляет также отсутствие в

этой статье какого-либо упоминания про местоименные энклитики.

Трактовка так называемых «форм пересказа» в статье «Болгарский язык» (с. 82) как входящих в систему категории наклонения не представляется удачной; более точная формулировка имеется в статье «Македонский язык», где противопоставляются два типа модальности (с. 118): «модальность, основанная на признаках отношения действия к реальности», и «модальность, основанная на противопоставлении по признаку достоверности/недостоверности действия с точки зрения говорящего» (последняя формулировка также не вполне адекватна, поскольку категория эвиденциальности, представленная в болгарском и македонском языках «формами пересказа», связана не с достоверностью информации как таковой, а с ее источником; ср. [Молошная 2001: гл. 3]).

Некорректна трактовка в качестве фонетического соответствия между сербским и хорватским вариантами сербохорватского языка противопоставления сербского *plata* и хорватского *plaća* 'зарплата': фонема *ć* в данном случае могла появиться лишь в результате йотового преобразования, что означает, что сербское и хорватское слова являются не фонетическими, а морфологическими вариантами. Приведенные здесь же в разделе, посвященном суффиксальному словообразованию, уменьшительные имена *Grga, Mate* и т.п. (с. 185) образованы без суффиксации. В подробном описании синтаксиса энклитик (с. 188–189) не отмечено то нетривиальное обстоятельство, что в этом языке конкурируют две стратегии выбора «второй позиции» в предложении: после первого слова и после первой составляющей (ср. примеры из монографии [Anderson 2005: 110]: *Moja će mlada sestra doći u utorak* vs. *Moja mlada sestra će doći u utorak* 'Моя младшая сестра придет во вторник').

В статье «Чешский язык» отнесение композитов *provazochodec* 'канатоходец' и *horolezec* 'альпинист' к двум разным словообразовательным типам (соответственно, «словосложение» и «словосложение с суффиксацией», с. 267) не представляется обоснованным: структура обоих слов абсолютно тождественна (и сходна, в частности, с английскими композитами типа *truck-driver*, см., например [Carstairs-McCarthy 1992: 109–119]). Употребление здесь же термина «огласовка» по отношению к консонантному составу словоформ представляется в высшей степени неожиданным.

Описание в статье «Словацкий язык» зависимости порядка слов от актуального членения (с. 303) в следующих терминах: «В первой части предложения ставятся менее значимые

слова, во второй – те, на которые падает логическое ударение», – не кажется ни корректной, ни допустимой в современном издании. Абзац, в котором сопоставляется реализация фонемы /ä/ в среднесловацких диалектах и в литературном языке (с. 306), построен так, как будто он посвящен рефлексам праславянского **ę*. В статье «Серболужицкий язык» представляется неуместной ссылка на «контенсивную типологию» при отнесении этого языка к номинативному типу (с. 344).

В статье «Польский язык» трактовка местоимений множественного числа как «инклюзивных» (с. 362) представляется не только излишней, но и некорректной: в языках с отсутствием противопоставления местоимений по инклюзивности ~ эксклюзивности местоимения могут выражать оба значения в зависимости от контекста (ср. русское *Мы завтра идем в кино?* vs. *Мы завтра идем в кино, а тебя не возьмем*).

Употребленный в статье «Кашубский язык» термин «семантический способ» словообразования (с. 400) не понятен и не проиллюстрирован примерами. В статье «Полабский язык», как кажется, без достаточных оснований выделен особый тип чередований группы согласных с одиночным согласным (с. 408): в словоформах *lüt'it* ~ *lüxt'âm* 'локоть', *nüd'it* ~ *nüxte* 'ноготь' имеется чередование *d', t' ~ x* перед *t*, закономерно возникающее при выпадении беглого гласного.

В статье «Древнерусский язык» дается устаревшая трактовка развития восточнославянских языков от «относительного диалектного единства» в раннедревнерусский период в сторону «углубления диалектных различий» в позднедревнерусскую эпоху (с. 420); подобные представления ныне признаны по меньшей мере слишком упрощенными (см., например, монографию самого автора данной статьи [Хабургаев 1980]). «Повторение отрицания при субъекте или объекте в отрицательной конструкции», охарактеризованное как «специфическая особенность» древнерусского языка (с. 429), очевидно, характерно вообще для всех славянских языков, в том числе и древних. Не вполне корректным представляется и утверждение о том, что «префиксация характеризовала почти исключительно глагольное словообразование» (с. 433): то, что глагольная префиксация была (и остается) более разнообразной и продуктивной, нежели именная, не отменяет того факта, что в древнерусском языке существовал целый ряд продуктивных именных моделей префиксации.

Более всего замечаний можно предъявить к статье «Русский язык», содержащей множество мелких неточностей и не вполне коррект-

ных формулировок. Остановлюсь лишь на наиболее серьезных, с моей точки зрения, недочетах. В статье безо всяких оговорок принята устаревшая и неадекватная трактовка русской падежной системы как содержащей шесть падежей; второй предложный и второй родительный падежи, существование которых было обосновано еще полвека назад П.С. Кузнецовым [Кузнецов 1953], Р.О. Якобсоном [Якобсон 1985/1958] и А.А. Зализняком [Зализняк 1967/2002], упоминаются лишь вскользь (с. 479) в качестве особых форм флексии. Кроме того, в статье полностью игнорируются новые звательные формы типа *Наташ*, также отмечаемые в классических работах по русистике (см. [Шахматов 1957/1911; Дурново 1924]). В списке частных видовых значений (с. 471) нет общефактического значения, во многом составляющего типологическое своеобразие русской видовой системы. Авторы статьи, как кажется, склонны к излишнему теоретизированию; рассуждения о характере сильных и слабых позиций фонем (с. 453), о классификации морфем (с. 496), о функциональной классификации аффиксов (с. 499) представляются излишними, особенно в свете, по-моему, непропорционального объема данной статьи. Утверждения о том, что «для русского языка характерна мена субъектных и объектных значений, обусловленная только изменением порядка слов в активной конструкции» (с. 503), и о том, что мена порядка слов «недопустима по отношению к содержательно нерасчленимым синтаксическим блокам», попросту бессмысленны без точного определения понятий «субъект», «объект» и «содержательно нерасчленимый синтаксический блок».

В статье «Украинский язык» в разделе, посвященном фонетике, непоследовательно дается транскрипция словоформ (с. 514), а фонетические обозначения типа [e^h] или [i^h] (с. 519) требуют хотя бы минимальных пояснений. Перевод фразы *місто заповонило село* (с. 538), по всей видимости, содержит опечатку: вместо 'город заповонило село' должно быть 'город заповонил село'.

В статье «Белорусский язык» не вполне корректно описана редукция гласных в безударных слогах и ее отражение в орфографии (с. 549, 552). Нельзя, как кажется, приводить в качестве примеров проявления аналитизма (с. 560) «неоднословные языковые номинации» типа *сасновы лес* 'сосновый лес' и фразеологизмы типа *рады няма* 'сил нет'.

Языковые карты, прилагаемые к сборнику, выполнены на самом высоком уровне. Определенные сомнения вызывает лишь присутствующее на некоторых из них отождествление

языковых и государственных границ (так, по сугубо априорным соображениям сомнительно, чтобы словенский язык вообще отсутствовал на территории Хорватии, а сербохорватский – на территории Словении, или чтобы граница между чешским и словацким языками проходила в точности по границе этих двух стран). Впрочем, по всей видимости, это является недостатком не столько картографии, сколько диалектологической классификации, членящей славянский диалектный континуум подчас весьма произвольным образом.

В сборнике имеется ряд опечаток как в русском тексте, так и в языковых примерах.

Несмотря на то, что разного рода мелкие недочеты в отдельных статьях сборника весьма многочисленны, это не умаляет его ценности как справочного издания, содержащего всю основную информацию о славянских языках и способного – при надлежащей осмотрительности пользователя – служить первичным источником сведений о них. Остается лишь надеяться, что следующие выпуски серии «Языки мира» выйдут в обозримом будущем и что их качество будет по меньшей мере не уступать весьма высокому стандарту, заданному рецензируемым томом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайан 1952/1948 – А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952 (A. Vailant. Manuel du vieux-slave. Paris, 1948).
- Дурново 1924 – Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
- Зализняк 1967/2002 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967 (2-е изд. М., 2002).
- Кондрашов 1986 – Н.А. Кондрашов. Славянские языки. М., 1986.
- Кузнецов 1953 – П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Мейе 2000/1934 – А. Мейе. Общеславянский язык. М., 2000 (A. Meillet. Le Slave Commun. 2-me éd. Paris, 1934).
- Молошная 2001 – Т.Н. Молошная. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- Перехвальская 2006 – Е.В. Перехвальская. Части речи в русских пиджинах // ВЯ. 2006. № 4.
- Хабургаев 1980 – Г.А. Хабургаев. Становление русского языка. М., 1980.
- Шахматов 1957/1911 – А.А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957 (1-е изд. 1911).
- Якобсон 1985/1958 – Р.О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским скло-

- нением // *P.O. Якобсон. Избранные труды по языкознанию*. М., 1985 (Доклад на IV Международном съезде славистов, Москва, 1958).
- Anderson 2005 – *S.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics*. Oxford, 2005.
- Babby 1980 – *L.H. Babby. Existential sentences and negation in Russian*. Ann Arbor, 1980.
- Brecht, Levine 1986 – *R.D. Brecht, J.S. Levine* (eds.). *Case in Slavic*. Columbus, 1986.
- Carstairs-McCarthy 1992 – *A. Carstairs-McCarthy. Current morphology*. London, 1992.
- Chvany 1975 – *C.V. Chvany. On the syntax of be-sentences in Russian*. Columbus, 1975.
- Chvany 1996/1982 – *C.V. Chvany. Hierarchies in the Russian case system: For N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L* // *O.T. Yokoyama, E. Klenin* (eds.). *Selected essays of Catherine V. Chvany*. Columbus, 1996. (Orig. publ. 1982).
- Comrie, Corbett (eds.) 1993 – *B. Comrie, G.G. Corbett* (eds.). *The Slavonic languages*. London; New York, 1993.
- Comrie, Stone 1978 – *B. Comrie, G. Stone. The Russian language since the revolution*. Oxford, 1978.
- Comrie et al. 1996 – *B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky. The Russian language in the twentieth century*. Oxford, 1996.
- de Bray 1980/1951 – *R.G.A. de Bray. Guide to the Slavonic languages*. V. I–III. 3rd ed. Columbus, 1980 (1st ed. 1951).
- Fici Giusti 2001 – *F. Fici Giusti. Le lingue slave moderne*. Padova, 2001.
- Flier, Brecht 1981 – *M.S. Flier, R.D. Brecht* (eds.). *Russian morphosyntax*. Columbus, 1981.
- Forsyth 1970 – *J. Forsyth. A grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge, 1970.
- Franks 1995 – *S. Franks. Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford, 1995.
- Franks, King 2000 – *S. Franks, T.H. King* (eds.). *A handbook of Slavic clitics*. Oxford, 2000.
- Garde 1976 – *P. Garde. Histoire de l'accentuation slave*. T. 1–2. Paris, 1976.
- Garde 1980 – *P. Garde. Grammaire russe*. Paris, 1980.
- Guiraud-Weber 1984 – *M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris, 1984.
- Guiraud-Weber 2004 – *M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect*. Aix-en-Provence, 2004.
- Issatschenko 1980–1984 – *A.V. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache*. Bd. I–II. Heidelberg, 1980–1984.
- King 1995 – *T.H. King. Configuring topic and focus in Russian*. Stanford, 1995.
- Nichols 1981 – *J. Nichols. Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian*. Berkeley, 1981.
- Paillard 1979 – *D. Paillard. Voix et aspect en russe contemporain*. Saint-Sulpice-de-Favières; Paris, 1979.
- Paillard 1984 – *D. Paillard. Énonciation et détermination en russe contemporain*. Paris, 1984.
- Plank 1991 – *F. Plank. Rasmus Rask's dilemma* // *F. Plank* (ed.). *Paradigms: The economy of inflection*. Berlin; New York, 1991.
- Sussex, Cubberley 2006 – *R. Sussex, P. Cubberley. The Slavic languages*. Cambridge, 2006.
- Veyrenc 1970 – *C.J. Veyrenc. Histoire de la langue russe*. Paris, 1970.
- Veyrenc 1973 – *C.J. Veyrenc. Grammaire du russe*. 2e éd. Paris, 1973.
- Veyrenc 1979 – *C.J. Veyrenc. Les propositions infinitives en russe*. Paris, 1979.
- Veyrenc 1980 – *C.J. Veyrenc. Etudes sur le verbe russe*. Paris, 1980.
- Wade 1992 – *T. Wade. A comprehensive Russian grammar*. Oxford, 1992.
- Yokoyama 1986 – *O.T. Yokoyama. Discourse and word order*. Amsterdam; Philadelphia, 1986 (Русск. пер. О.Т. Йокояма. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005).

П.М. Аркадьев

А.А. Кретов. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 390 с. (Библиотека лингвистической прогностики. Т. 1).

Вопрос о степени научности гуманитарных дисциплин чаще всего сводится к рассуждениям об эффективном использовании в них количественных методов (для лингвистики такое использование, как принято считать, плодотворно). Но еще более убедительным в этом отношении считается «сертификат» на прогнозирование, на наличие прогностических возможностей и методик. В арсенале современной цивилизации присутствует метеорологическая, экономическая, политическая, военная,

социальная, демографическая, медицинская, техническая, экологическая прогностика, а лингвистической прогностики пока нет. Очевидно также, что экология языка и культуры, целесообразность которой никто не отрицает, в принципе ориентируется на устойчивые точки перспективы, заранее определенные и социально одобренные.

С полным основанием автор концепции и посвященной ей монографии А.А. Кретов начинает свое сочинение с тезиса о том, что на-